

МАСТЕРАПСИХОЛОГИИ

Эрик Эриксон

ИДЕНТИЧНОСТЬ И ЦИКЛ ЖИЗНИ

Мастера психологии (Питер)

Эрик Эриксон

Идентичность и цикл жизни

«Питер»

УДК 159.923
ББК 88.37

Эриксон Э.

Идентичность и цикл жизни / Э. Эриксон — «Питер»,
— (Мастера психологии (Питер))

ISBN 978-5-4461-2364-3

Эрик Эриксон — известный американский социолог и один из самых цитируемых психологов XX века. Его концепция стадий человеческого развития оказала значительное влияние на современную психологию. Книгу «Идентичность и цикл жизни», в которую включены три ранние работы мастера, наряду с книгой «Детство и общество» многие специалисты считают лучшим введением в теорию Эриксона. Первая работа. «Развитие эго и исторические изменения», представляет собой квинтэссенцию терапевтических и полевых наблюдений, которые в дальнейшем легли в основу книги «Детство и общество». Вторая работа. «Рост и кризисы здоровой личности», выходит за пределы подросткового возраста и описывает все восемь стадий развития личности. В третьей работе. «Проблема эго-идентичности», Эриксон последовательно рассматривает кризис идентичности с биографической, клинической и социальной точек зрения. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 159.923

ББК 88.37

ISBN 978-5-4461-2364-3

© Эриксон Э.
© Питер

Содержание

Предисловия	6
Предисловие 1 (1959)	7
Предисловие 2 (1979)	9
1. Развитие эго и исторические изменения[1]	12
Групповая идентичность и эго-идентичность	13
Патология эго и исторические изменения	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Эрик Эриксон

Идентичность и цикл жизни

Erik H. Erikson

Identity and the Life Cycle

© 1980 by W. W. Norton & Company, Inc.

© 1959 by International Universities Press, Inc.

© Перевод на русский язык ООО «Прогресс книга», 2023

© Издание на русском языке, оформление ООО «Прогресс книга», 2023

© Серия «Мастера психологии», 2023

* * *

Предисловия

Переиздаваемый ныне сборник эссе был впервые опубликован издательством *International Universities Press* в 1959 году в форме монографии в серии «Вопросы психологии» (*Psychological Issues*). Упоминания «вопросов психологии» в начале и в конце оригинального предисловия, приводимого ниже, отсылают к этой публикации.

Предисловие 1 (1959)

Переиздание избранных трудов обычно происходит по очень серьезной причине. В данном сборнике содержатся записи, которые востребованы как первоисточники. Их востребованность настолько высока в самых разных профессиональных кругах, что можно говорить об актуальности затронутых «вопросов психологии».

Название сборника отражает общую тему: единство жизненного цикла человека и особой динамики каждой стадии, предписанной законами индивидуального развития и общественной организации. Психоаналитические разработки этой темы коснулись лишь детского периода и очень мало – остальных. Немногочисленные публикации лишь очерчивают контуры специфической психосоциальной задачи, которая стоит перед каждым молодым человеком, а именно формирования эго. Однако благодаря этим публикациям намечены направления дальнейших исследований.

Не все представленные здесь работы имеют теоретическую природу. Первая из них (подборка клинических записей, которые предшествовали публикации моей книги «Детство и общество» (*Childhood and Society*) и фактически стали источником материала для нее) – иллюстрация того, как терапевтические наблюдения и «прикладная» работа могут заставить клинициста переосмыслить свои прежние взгляды. «Прикладной» характер работы означает в данном случае не только применение гипотез психоанализа к различным сферам – обучению индейцев, военной деятельности, долгосрочным исследованиям детской психики, – но и сопоставление этих наблюдений. Клиницист пытается связывать эти эпизоды с теоретическими положениями, которые обычно отступают на задний план в практической деятельности; однако постепенно становится очевидным, что за пределами клинической практики «приложение» позволяет по-новому взглянуть на клиническую теорию.

В работе «Рост и кризисы здоровой личности» передо мной стояла иная задача. Группа экспертов в области проблем детства, приглашенных Детским бюро США для подготовки конференции в Белом доме в 1950 году, сбора надежного фактического материала и представления перспективных теорий в области психического здоровья ребенка, обратилась к автору как к клиницисту и гражданину с просьбой переформулировать изложенные в книге «Детство и общество» соображения относительно развития «здоровой личности» в соответствии с задачами конференции и требованиями времени. Автор отбросил свои сомнения относительно преждевременности теоретических выводов и возможности неадекватного толкования схемы нормального развития и, призвав на помощь Джоан Эриксон (как мать и как педагога), представил интерпретацию результатов некоторых своих клинических наблюдений. Наблюдения есть неотъемлемая часть работы клинициста, при этом в публичном их освещении я не мог игнорировать имеющиеся в данный момент данные о проблеме, теоретические обоснования, методологию исследований (Erikson, 1958b). В сборнике работа публикуется в том виде, в каком она была представлена экспертной группе конференции в Белом доме. Однако я выделил курсивом ряд положений, которые, как показывает опыт, могут оказаться обойдены вниманием, и снабдил их примечаниями, предостерегая от слишком прямолинейного их толкования, которое мог бы спровоцировать данный текст.

Работа «Проблема эго-идентичности» (*The Problem of Ego Identity*) адресована другой аудитории. Программный комитет Зимней сессии Американской психоаналитической ассоциации попросил меня выступить на одном из мероприятий, подробно осветив данную тему. Здесь читатель найдет гораздо больше отсылок к теоретическим положениям психоанализа и примеров из терапевтической практики, хотя, как и в других своих работах, я стараюсь оставить решение метапсихологических вопросов экспертам в данной сфере.

При всех своих различиях представленные работы демонстрируют последовательность этапов клинического мышления: проблематика психосоциального развития возникает из общих клинических впечатлений, затем помещается в рамки анализа психосоциальных стадий развития, и затем одна из стадий, а именно юношеский период, получает подробную характеристику. В будущих исследованиях при сравнительном анализе различных жизненных периодов необходимо придерживаться такой же схемы. Результаты этих исследований позволят составить цельную картину жизненного цикла человека.

Представители других областей знания обнаружат в приведенной библиографии ссылки на труды ряда междисциплинарных мероприятий, на которых были представлены и обсуждались мои концепции (Erikson, 1951a, 1953, 1955a, 1955b, 1956, 1958c; Erikson and Erikson, 1957). Сегодня, когда устная и социальная коммуникация между [научными] дисциплинами и континентами во многом заменяет чтение книг и их изучение в тиши кабинета, неизбежны повторы с небольшими вариациями. В моих книгах «Детство и общество» (1950a) и «Молодой Лютер» (*Young Man Luther*) (1958a) глубоко интегрированы клинический и прикладной методы. Однако психоаналитик-клиницист заметил бы, что лишь в последние годы я стал рассматривать клинические данные (1954, 1958b) и терапевтические методы в свете возросшего общего интереса к историческим процессам. Это еще один открытый «вопрос психологии», с которым я обращаюсь к своим заметкам клинициста.

Предисловие 2 (1979)

Переиздание в конце 1950-х годов избранных трудов уже потребовало обоснования «уважительной причины», поэтому, видимо, следовало бы объяснить повторное издание того же сборника в 1979 году, – при том что некоторые положения были включены в книгу «Идентичность: юность и кризис» (*Identity: Youth and Crisis*) 1968 года. Однако мой издатель по-прежнему считает удовлетворительной «уважительную причину», изложенную в Предисловии 1, и я доверяюсь ему, хотя удивлен, что спрос на эти ранние работы не упал. Могу лишь сказать, что тональность работ, которые я впоследствии назвал «заметками клинициста», до сих пор вызывает отклик в разных странах у преподавателей и студентов в разных областях научного знания. Может быть, оригинальные наблюдения, заставляющие признать существование новой ситуативной связанности явлений, прежде считавшихся изолированными друг от друга, помогут тем, что один мой друг назвал «аутентичностью» выражения, и окажутся полезными для читателя, даже если некоторые концептуальные моменты останутся пока неуясненными.

К первому изданию, а также для целей вновь основанной серии «Вопросы психологии» наш давний друг Дэвид Рапапорт (*David Rapaport*) написал вводную статью, которая называется «Исторический обзор развития психоаналитической эго-психологии» (*A Historical Survey of Psychoanalytic Ego Psychology*) (1957–1958). Обращаясь к истокам развития фрейдовской теории, он разделил историю эго-психологии на четыре этапа. Первый закончился в 1897 году, а последний начался в 1930-х, когда были опубликованы основополагающие труды Анны Фрейд (*Anna Freud*) (1936) и Хайнца Хартманна (*Heinz Hartmann*) (1939). Вызывает восхищение глубокая характеристика этапов, данная Рапапортом. Это серьезный труд, занявший достойное место в его научном наследии.

Данный сборник во многом перекликается с работой Рапапорта, но не повторяет его выводы. Пристальное внимание Дэвида к историческим и терминологическим деталям здесь не является для меня обязательным (что подтвердил мой издатель), поскольку их обилие могло бы сбить с толку многих читателей, желающих прежде всего понять взаимосвязь положений эго-психологии моего времени и моей теории *психосоциального развития*, которая до сих пор дорабатывается. Для целей данного издания мы приняли решение процитировать работу Рапапорта в существенно сокращенном виде.

Я с благодарностью привожу некоторые его выводы и предположения относительно места моих формулировок в общей канве эго-психологии:

Теория адаптации Хартманна включает в себя более общую теорию отношений с реальностью, где делается акцент на особую роль социальных отношений (Hartmann, 1939; Hartmann and Kris, 1945; Hartmann, Kris, and Loewenstein, 1951). Но она неконкретна и не соответствует признакам самостоятельной дифференцированной психосоциальной теории.

Эриксон делает акцент на эпигенезе эго (Erikson, 1937; 1940a), на теории отношений с реальностью (1945) и особенно на разработке теории роли социальной реальности (1950b). Это «три кита» его психосоциальной теории развития (1950a), которая дополняет теорию третьей стадии Фрейда и соответствующие разработки Хартманна.

В своей теории Эриксон подчеркивает последовательность этапов эпигенеза эго (1950b), тем самым конкретизируя концепцию автономного развития эго Хартманна, которая, в свою очередь, обобщает концепцию развития тревоги Фрейда.

Последовательность этапов развития эго идет параллельно с развитием либидо (1950a, глава 2), но [Эриксон] идет дальше и рассматривает полный *жизненный цикл* (глава 7). Это первая концепция в истории теории психоанализа, которая охватывает этапы жизненного цикла,

обычно рассматриваемые в рамках единой концепции генитальной зрелости, и предлагает инструментарий для их исследования.

Главное значение психосоциальной теории развития эго, а также теории адаптации Хартманна (в отличие от «культуралистских» теорий) состоит в том, что они предлагают концептуальное объяснение социального развития индивидуума путем отслеживания [процесса] формирования *генетически социального характера индивида* в его взаимодействии с социальным окружением на каждом этапе его эпигенеза. Таким образом, идея состоит не в том, что социальные нормы прививаются генетически асоциальному индивиду путем «дисциплины» и «социализации», а в том, что общество, в котором рождается индивид, делает его своим членом, помогая ему выбрать *способ, с помощью которого он решает задачи*, встающие перед ним на каждом этапе его эпигенетического развития.

Теория Эриксона (и во многом теория Фрейда) построена на феноменологических положениях, на клиническом психоанализе и общих положениях психоанализа и психологии, причем системных различий между ними нет. Соответственно, концептуальный статус терминологии у этой теории остается неясным. Приведение теории в систему и объяснение концептуального статуса ее терминов – будущая задача эго-психологии.

Разработанные Эриксоном положения стали органичным продолжением теории Фрейда. Они также лежат в русле разработок Хартманна, с которыми взаимно дополняют друг друга. Эриксон строит свою теорию, отсылая нас главным образом к положениям психологии бессознательного Фрейда, в меньшей степени к его же положениям психологии эго и совсем мало – к теории Хартманна. Хартманн также ничего не говорит о связи своей теории с теорией Эриксона. Перед психологией эго стоит задача интеграции этих двух теорий.

Эти комментарии должны были вызвать у читателей сборника благожелательное отношение к единству теории, которое я сформировал в трех упомянутых выше работах. То, что даже Рапапорт должен был в своих выводах охарактеризовать как непонятный теоретический статус терминологии в моей теории, относится главным образом к центральному термину данного сборника (но редко используемому в моей последующей работе), а именно к термину «эго-идентичность». Мои рассуждения в сфере проблем идентичности и жизненного цикла не находят точки опоры в существующих положениях психологии эго. Напротив, как отмечает Рапапорт, эти рассуждения приводят к формированию психоаналитической теории психосоциального развития, существующие элементы которой я собрал воедино в работе, подготовленной по просьбе Национального института психического здоровья (*National Institute of Mental Health*) США (в печати). Более того, психосоциальная ориентация становится частью исторического процесса, что заставляет нас рассматривать функционирование эго (и природу того, что мы называем «эго») как процессы, лежащие в основе исторической изменчивости. Эта тенденция уже стала общепризнанной и была отражена в моих книгах «Детство и общество» (1950а, переиздана в 1963), «Молодой Лютер» (1958а), которые были опубликованы в то же время, когда я работал над сборником.

Как было сказано во вводном параграфе, данная публикация – первая и не окончательная попытка рассмотреть изменение этоса в разные исторические периоды с точки зрения клинических наблюдений. Такой взгляд позволяет лишь исследовать (иногда односторонне) симптоматику некоторых психологических расстройств, которая в конкретный исторический период проявляется у существенного меньшинства населения и таким образом представляет *эпидемиологический эквивалент доминирующего этоса* в историческом паттерне общинности и продуктивности. Лишь в своих более поздних книгах биографического характера я сумел подойти к вопросу о балансе дезориентирующих и побуждающих сил в тот или иной исторический период. В этих книгах я писал о том, как гениальные вожди взаимодействовали со своей эпохой: я говорю о М. Ганди, который взял на себя ответственность за судьбу Индии (1969), и

Т. Джефферсоне, который сыграл решающую роль в формировании американской идентичности (1974). Взаимоотношения индивидуальности и общинности в паттернах повседневной жизни, в свою очередь, я рассматриваю в книге, посвященной играм, ритуалам и политике (1977).

Можно сказать, что в данной работе я попытался сформулировать, как происходит взаимодополняющее влияние друг на друга истории жизни и собственно истории. Я утверждаю, что реальные клинические наблюдения и их выводы можно рассматривать одновременно и в связи с очевидными историческими процессами. В изучении столь важной для каждого человека проблемы идентичности мы в значительной мере руководствуемся мотивами, корни которых уходят в *историю нашей собственной личности*. Об этом я писал в автобиографической части одного из своих эссе (1975), и в своем мнении я не одинок. Многие представители науки и общественной жизни, мужчины и женщины, видят истоки рождения своих наиболее значимых идей в истории своей личной и профессиональной жизни. Эволюция *терапевтического* и *теоретического* направлений в моих исследованиях, о чем писал выше Д. Рапапорт и что подтверждалось результатами моих клинических исследований, изложенными ниже, убедила меня в необходимости разработки концепции идентичности – как и незабываемые события 1960-х (в 1963 году я преподавал в колледже), которые явились *историческим обострением* проблем идентичности у молодежи.

В переиздаваемом сборнике основное внимание сосредоточено на фундаментальном вопросе – месте психосоциальной идентичности в логике развития жизненного цикла человека. Здесь этот вопрос звучит так, как я понимал его в 1940-х и 1950-х годах.

1. Развитие эго и исторические изменения¹

Клинические заметки

Люди, принадлежащие к одному этническому ареалу, одной исторической эпохе и экономической сфере, ведомы общими образами добра и зла. В своем бесконечном разнообразии эти образы отражают скрытую от глаз сущность исторических изменений; однако в форме современных им социальных моделей и убедительных прототипов эти образы приобретают решающую конкретность в развитии эго каждого индивидуума. В психоанализе психология эго не получила достаточной теоретической определенности. С другой стороны, историки продолжают игнорировать те простые факты, что все индивидуумы рождены матерями; что каждый из нас когда-то был ребенком; что все люди и народы вышли из своих детских; что путь развития индивидуума в обществе – это путь от колыбели к родительству.

Лишь объединившись, психоанализ с социальной наукой способны последовательно соотнести стадии жизненного цикла с историей общества. Этим вопросам посвящен настоящий сборник клинических записок, в котором представлены проблемы, примеры и теоретические соображения относительно того, в какой связи находится эго ребенка с современными ему историческими моделями.

¹ Оригинальная версия данной работы впервые опубликована в журнале *The Psychoanalytic Study of the Child*, 2:359–396, 1946.

Групповая идентичность и эго-идентичность

1

Оригинальные формулировки Фрейда, относящиеся к эго и его взаимоотношениям с обществом, лежали в русле общей линии его аналитической аргументации и социологических представлений эпохи. Тот факт, что Фрейд в своих первых работах по групповой психологии цитирует постреволюционного социолога Лебона, наложил свой отпечаток на последующие изыскания в области психоанализа толпы. Фрейд признавал, что «массы» Лебона являются обществом низкоинтеллектуальных и отказавшихся от собственной воли людей, наслаждающихся анархией в наступивший промежуток между двумя историческими эпохами и ведомых лидером как в своих наилучших, так и наихудших проявлениях. Такие массы существуют; определение не потеряло своей силы. Однако между данными социологическими наблюдениями и материалом, полученным при помощи психоаналитического метода, существует некий разрыв, а именно индивидуальная история, реконструируемая по эпизодам переноса и контрпереноса в ситуации наедине с терапевтом. Данный методологический разрыв привел в психоанализе к искусственному разделению объектов на «индивидуума-внутри-семьи» (или в окружении его семейных моделей, проецируемых на «внешний мир») и «индивидуума-в-массе», погруженного в не имеющую четких границ толпу². Таким образом, к феномену и концепции социальной организации и ее влиянию на индивидуальное эго долгое время снисходительно относились как к неким «социальным факторам». В целом концепция эго была первоначально очерчена рамками уже существовавших и хорошо известных определений своих противоположностей – биологической идентичности и социологической «массы»: само же эго как индивидуальный центр организованного опыта и целеполагания оказывалось между молотом анархии примитивных инстинктов и наковальней беззакония коллективного духа. Можно сказать, что на место моральных координат бюргера, обозначенных Кантом как «звезды над головой» и «нравственный закон внутри», ранний Фрейд ставил внутреннюю идентичность и окружающую толпу, между которыми помещал объятые страхом эго.

Для описания морали отдельного индивидуума Фрейд ввел понятие идеального эго, или супер-эго. Сначала упор делался на чужеродном воздействии на индивидуальное эго. Супер-эго, как подчеркивал Фрейд, есть интернализация всех ограничений, которым эго должно подчиняться. Эти ограничения навязываются ребенку («*von aussen aufgenötigt*») родителями с их критическим влиянием, а позже – профессиональными наставниками и теми, кого ранний Фрейд определял как «разнородную толпу приятелей» («*die unbestimmte Menge der Genossen*»), создающих «среду» и «общественное мнение» (Freud, 1914).

Столь мощное неодобрение извне заставляет ребенка выйти из своего первоначального состояния наивной любви к самому себе. Он ищет модели, на которые мог бы равняться, и

² Психоаналитик, с большим успехом разрабатывающий исторические аспекты, и в 1944 году не устал повторять, что «даже среди огромной массы людей каждый обладает индивидуальностью, и в то же время он неиндивидуален, он частичка толпы, подчиненная психологическим законам, отличающимся от тех, которые действуют, когда он один, дома» (Zilboorg, 1944, p.6). Если на минуту представить себе человека, который географически находится в одиночестве (а это может быть его дом), вопрос о том, действительно ли психологические законы, управляющие им как одиночкой, будут иными, чем те, что руководят им, когда он «в толпе», все же не столь однозначен. Не будет ли точнее сказать, что иной будет ситуация – а с ней и характеристики сознания и подвижности, доступные каналы коммуникации и способы самовыражения и действия? Нужно понимать, что человек может быть всегда одиноким психологически; что человек-одиночка – это «лучше», чем тот же человек «в толпе»; что человек, временно оставшийся один, перестает быть политическим животным и изымает себя из социального действия (или бездействия) на каком угодно классовом уровне; эти и другие стереотипы мне следовало озвучить здесь лишь для будущего анализа.

пытается быть счастливым, подражая им. Если ему это удастся, он достигает *самоуважения*, не слишком убедительного факсимиле своего оригинального нарциссизма и ощущения всемогущества.

Эти ранние концептуальные модели не прекращали определять направления позднейших дискуссий и практические цели клинического психоанализа³. Фокус психоаналитических исследований, однако, сдвинулся в сторону разнообразных генетических проблем. От изучения того, как эго растворяется в аморфном множестве или в лидере-толпе, мы совершаем поворот к проблеме возникновения инфантильного эго в организованной социальной жизни. Вместо того чтобы делать акцент на отрицании ребенка в социальной организации, мы хотим прояснить, что же социальная организация дает ему изначально, что из этих даров поддерживает его на плаву и, подстраиваясь под его специфические потребности, заставляет его вести тот или иной образ жизни. Вместо того чтобы принять эдипову трицу как неразложимую схему иррационального поведения человека, мы стремимся к конкретизации и исследуем, каким образом социальная организация кодетерминирует структуру семьи; поскольку, как писал Фрейд уже ближе к концу своей жизни, «то, что действует [в супер-эго], это не только личные качества этих родителей, но и все то, что произвело определяющее влияние на них самих, а также вкусы и стандарты их социального класса и наклонности и традиции их расы» (1938, pp.122–123).

2

Фрейд показал, что сексуальность возникает в самый момент рождения; он также дал нам инструменты для демонстрации того факта, что социальная жизнь начинается с началом жизни всякого индивида.

Некоторые из нас применяли эти инструменты в изучении так называемых примитивных обществ, где ребенок интегрирован в четко определяемую экономическую систему и небольшой и статичный набор социальных прототипов⁴. Обучение ребенка в таких группах, заключаем мы, есть метод, которым базовые способы организации коллективного опыта (его коллективная идентичность, как мы это называли) передаются малышу в виде раннего физического опыта, а затем, через этот опыт, формируют основы его эго.

Позвольте мне вначале проиллюстрировать концепцию коллективной идентичности небольшой отсылкой к антропологическим изысканиям, произведенным некоторое время назад Микилом Скаддером (Mekeel H. Scudder) и мною. Мы описывали, как на одном из этапов переобучения американского индейца сиу его историческая идентичность охотника на бизонов – уже не существующих – столкнулась с профессиональной и классовой идентичностью американского государственного служащего, который был его наставником и учителем. Мы указали на то, что идентичность этих двух групп определяется в том числе экстремальными различиями в географических и исторических представлениях (коллективное эго – пространство – время) и радикальными различиями в экономических целях и средствах их достижения (коллективный жизненный план).

Для сохранившейся идентичности индейцев сиу доисторическое прошлое является полноценной психологической реальностью. Покоренное племя вело себя так, будто их жизненный план заключался в пассивном сопротивлении настоящему, в которое невозможно интегриро-

³ В универсальном труде Фенихеля о теории неврозов (1945) тема социальных прототипов возникает лишь в конце главы, посвященной умственному развитию, и даже тогда – как отрицание: «Ни вера в “идеальные модели”, ни некоторая степень “социального страха” не являются безусловно патологическими». Проблема источников суперэго не обсуждается им вплоть до 463-й страницы главы о расстройствах характера.

⁴ Эта работа написана после публикации труда «Детство у двух племен американских индейцев» (Erikson, 1945) и перекликается с ним во вступительной части.

вать остатки идентичности экономического прошлого, и в мечтах о возрождении, в котором будущее вернуло бы их в прошлое, время бы вновь стало неисторическим, пространство – неограниченным, деятельность – безгранично центробежной, а стада бизонов – необозримыми. Государственные же учителя, напротив, предлагали им жизненный план с центростремительными, локализованными целями: дом, хозяйство, очаг, счет в банке – все то, что имеет смысл в том жизненном плане, где прошлое уже свершилось, и в котором свершения настоящего будут принесены в жертву еще более высокому стандарту жизни будущего (которое бесконечно отодвигается). И дорога к этому будущему – не внешнее возрождение, но внутреннее преобразование.

Очевидно, что любой эпизод в опыте, приобретенном членом каждой из этих групп, разделяемый или отвергаемый, необходимо толковать соответственно его месту в системе координат двух этих взаимопроникающих жизненных планов.

У примитивных племен источники и средства производства связаны между собой напрямую. Их инструменты – это продолжение их тел. Дети в таких коллективах участвуют в технических и магических действиях; для них тело и окружающая среда, детство и культура могут быть полны опасностей, но все вместе составляют единый мир. Набор их социальных прототипов невелик и статичен. В нашем же мире машины уже давно не являются продолжением человеческого тела, напротив, целые человеческие организации обречены служить продолжением машинного производства; магия выполняет лишь посреднические функции; детство превратилось в отдельный сегмент жизни со своим собственным фольклором. Экспансия цивилизации, вкупе с ее стратификацией и специализацией, вынуждает детей строить свои эго-модели на основе подвижных, разрозненных и антагонистичных прототипов.

3

Взрослея, ребенок должен развить в себе живое ощущение реальности, получая подтверждение того, что его индивидуальный путь в получении опыта (его эго-синтез) является успешным вариантом коллективной идентичности и соответствует ее пространственно-временному и жизненному плану.

Едва научившись ходить, ребенок не только стремится повторять и совершенствовать акт хождения, подвижимый либидозным удовольствием в смысле локомоторного эротизма Фрейда или же потребностью овладения в соответствии с принципом успешно выполненного действия Айвза Хендрика; но он также получает ощущение своего статуса и новой ценности «себя, умеющего ходить», какую бы коннотацию это событие не имело в системе координат жизненного плана его культуры: «того, кто будет далеко ходить», «того, с кем будет все хорошо» или «того, кто далеко пойдет». Быть «тем, кто умеет ходить» становится одним из многих шагов на пути развития ребенка, которое, через совпадение физического овладения и культурных смыслов, функционального удовольствия и социального признания, приведет к более реалистичной самооценке. Без сомнения, будучи лишь нарциссическим утверждением младенческого всемогущества (которое можно заполучить гораздо меньшей ценой), это ощущение собственной ценности вырастает в убеждение, что собственное «я» делает эффективные шаги в сторону конкретного коллективного будущего и постепенно превращается в определенное эго в рамках социальной реальности. Это ощущение я назову *эго-идентичностью*. Я бы определил этот термин как субъективный опыт и как динамический факт, как коллективный психологический феномен – и в совокупности как объект клинического изучения. Осознаваемое ощущение обладания *личной идентичностью* основывается на двух одновременных наблюдениях: непосредственном восприятии собственной личности и ее непрерывности во времени; и одновременно восприятии того факта, что другие распознают самость и непрерывность этой личности. То, что я предлагаю называть эго-идентичностью, относится не к одному лишь факту

существования, что входит в понятие личной идентичности; это качество эго данного существования.

В таком случае эго-идентичность в своем субъективном аспекте есть признание того, что методы синтеза эго являются проявлением собственной самости и непрерывности и что эти методы эффективны для защиты собственной самости и непрерывности в глазах других людей.

4

Несмотря на всю неопределимую важность приложения Фрейдом современных ему концепций физической энергии к области психологии, его теория о том, что энергия инстинктов передается, вытесняется, трансформируется аналогично тому, как это объясняет закон сохранения энергии в физике, не может больше нас удовлетворить и объяснить данные, ныне полученные в наблюдениях.

Существующий разрыв позволяет закрыть именно концепция эго. Мы должны найти причинную зависимость социальных образов и организмических сил – и не только в том смысле, что образы и силы здесь, как говорится, «взаимосвязаны». Более того, взаимное дополнение этоса и эго, коллективной идентичности и эго-идентичности предлагает намного больший потенциал как для синтеза эго, так и для социальной организации.

Когда индеец сиу, пребывая на вершине своего религиозного опыта, вбивает в собственную грудную клетку клинышки, привязывает их к веревке и танцует (в неопределимом трансе) до тех пор, пока веревка не затягивается и клинышки не начинают разрывать его плоть, так что кровь стекает ручьями по его телу, мы видим смысл в его экстремальном поведении: он обращает против себя некие изначально спровоцированные, а затем энергетически фрустрированные детские импульсы, «фиксация» на которых, как мы обнаружили, имеет решающее значение в коллективной идентичности сиу и индивидуальном развитии этого человека⁵. В данном ритуале «ид» и супер-эго явно противопоставлены друг другу, так же как в бесплодных ритуалах наших страдающих неврозами пациентов. Примерно то же значение имеют действия мужчин племени юрок, которые после близости с женщиной направляются в парную, где пребывают, пока не покроются потом и не смогут протиснуться через овальное отверстие в стене прямо в холодную речную воду; после чего они считают себя очистившимися и обладающими достаточной силой для ловли священного лосося. Очевидно, что данный ритуал – искупление, призванное восстановить самооценку и внутреннее ощущение безопасности. У тех же индейцев ежегодная оргия, устраиваемая после того, как коллективными усилиями река перегораживается дамбой, что позволяет наловить много лосося на зиму, очевидно, дает им разрядку, освобождая от перенапряжения и сводя на нет предшествующие искупительные жертвы. Но если мы попытаемся найти равновесие между этими известными нам экстремальными точками, если мы спросим себя, что же характеризует индейца, который не делает ничего из вышеописанного, а лишь предстает перед нами как тихий представитель этого племени, включенный в ежедневную рутину годового цикла работ, мы не найдем подходящей точки отсчета для описания. Для этого нужны малые признаки того, что человек где-то и когда-то, в минуты эмоциональных и мыслительных изменений, переживает вечный конфликт, проявляющийся в перемене настроения от депрессивно-неопределенно-тревожного через состояние, которое Фрейд называл «промежуточной стадией», затем по нарастающей к ощущению благополучия – и обратно («*von einer übermässigen Gedrücktheit durch einen gewissen Mittelzustand zu einem erhöhten Wohlbefinden*»). Однако является ли эта промежуточная стадия динамически ничтожной настолько, что определить ее можно, лишь указав на то, чем она не является; заявив, что

⁵ Как уже было подробно описано (Erikson, 1945), такая коллективная фиксация является важной частью общей инстинктивной саморегуляции культуры.

ни маниакальная, ни депрессивная тенденция в тот или иной момент не наблюдается явно, что на поле боя эго происходит минутное затишье, что супер-эго временно покинуло поле боя и что в подсознании произошло перемирие?

Необходимость определить стадию сравнительного равновесия между различными «состояниями души» стала особенно актуальной для вынесения моральной оценки действий во время войны. У меня была возможность наблюдать поведение людей в относительно экстремальных условиях, а именно во время пребывания на подводной лодке (Erikson, 1940b). Здесь суровому испытанию подвергается эмоциональная пластичность и социальная гибкость людей. Ожидания героического свойства и фаллическо-локомоторные фантазии, с которыми вступает на корабль юный доброволец, в целом не могут быть выявлены в его ежедневной жизни на борту, в рутинных занятиях, в ограниченном пространстве, а также в той роли слепоглухонемого исполнителя, которая от него требуется. Чрезвычайная взаимозависимость членов экипажа и взаимная ответственность за жизнь и комфорт в исключительно тяжелых и длительных по времени условиях скоро вытесняет первоначальные мечты. Экипаж и капитан представляют собой некий симбиоз, управляемый не только формальными правилами. С удивительным тактом и мудростью создаются негласные договоренности, благодаря которым капитан становится нервной системой, мозгом и совестью всего этого подводного организма, воплощающего в себе одновременно идеально отлаженный процесс и проявление человечности, и благодаря которым члены экипажа мобилизуют свои внутренние компенсаторные механизмы (например, в коллективном использовании щедро предоставленной пищи), что позволяет экипажу выдерживать монотонность службы и при этом быть готовым к мгновенному действию. Такие автоматические взаимные адаптации к экстремальным условиям имеют «аналитический смысл» прежде всего там, где якобы прослеживается кажущийся регресс к состоянию первобытной орды, словесной летаргии. Однако если мы спросим, почему мужчины выбирают такой образ жизни, почему не отказываются от нее, несмотря на невероятное однообразие и подчас ужасающую опасность, и, кроме всего прочего, почему при этом они пребывают в здравии и отличном расположении духа, мы не сможем дать удовлетворительный ответ. В психиатрических дискуссиях довольно часто предполагается – на основании проводимых аналогий, – что такие организмы, экипажи, профессиональные коллективы являются регрессивными и мотивированы латентной гомосексуальностью или психопатическими тенденциями.

Однако то, что объединяет подводника, индейца, ребенка со всеми людьми, которые чувствуют себя единым целым с тем, что они делают, когда и где они это делают, сродни тому самому «промежуточному состоянию», которое мы хотели бы сохранить в своих детях по мере их взросления; мы желаем, чтобы наши пациенты приобрели это состояние, восстановив «синтетическую функцию эго» (Nunberg, 1931). Мы знаем, что, когда это произойдет, игра станет свободнее, здоровье – блестящим, секс – более взрослым, работа – более осмысленной. Применив психоаналитические концепции к решению проблем коллективного, мы ощущаем, что более ясное понимание взаимного дополнения эго-синтеза и социальной организации может помочь нам терапевтически оценить психологический средний диапазон, расширение и культивирование которого на все более высоких уровнях человеческой организации является целью всех терапевтических усилий, как социальных, так и индивидуальных.

Патология эго и исторические изменения

1

Для идентификации себя самого ребенок имеет достаточное количество возможностей, в большей или меньшей степени экспериментальных, с участием реальных или вымышленных людей того или другого пола, с привычками, чертами характера, занятиями, идеями. К радикальному выбору между ними ребенка принуждают определенные кризисные моменты. Однако историческая эпоха, в которой он родился и живет, предлагает ему лишь ограниченное количество социально значимых моделей для работоспособных комбинаций фрагментов идентичности. Их польза и применимость зависит от того, насколько они одновременно отвечают потребностям организма на определенной стадии зрелости и модели синтеза, свойственной данному эго.

Вызывающая тревогу интенсивность многих детских симптомов отражает необходимость защиты созревающей эго-идентичности, которая ребенку обещает интегрировать быстрые изменения, происходящие во всех сферах его жизни. То, что для наблюдателя выглядит как особенно наглядное проявление чистых инстинктов, часто оказывается лишь отчаянной мольбой о разрешении синтезировать и сублимировать единственно возможным для данной личности способом. Поэтому мы можем ожидать, что молодой пациент будет реагировать только на те терапевтические меры, которые позволят создать необходимые условия для успешного формирования его оригинальной эго-идентичности. Терапия и руководство могут попытаться заменить нежелательные идентификации желательными, однако общая конфигурация эго-идентичности не претерпит изменений⁶.

Я вспоминаю в связи с этим одного бывшего немецкого военного, который эмигрировал в нашу страну, поскольку не мог принять нацистскую идеологию или же сам оказался неприемлем для нее. У его малолетнего сына было не так много времени, чтобы впитать нацистскую доктрину до того, как семья переехала в Америку. Здесь, как многие дети, он быстро американизировался и чувствовал себя как рыба в воде. Однако постепенно у него развилось невротическое неприятие любых авторитетов и власти. То, что он говорил о «старшем поколении», и то, как он это говорил, очевидно совпадало с тоном нацистских листовок, которых он никогда не читал; его поведение было бессознательным протестом «гитлеровского мальчика». Поверхностный анализ выявил, что ребенок, солидаризируясь с лозунгами гитлеровской молодежи, идентифицирует себя с гонителями собственного отца, что является следствием эдипова комплекса.

В создавшейся ситуации родители приняли решение отдать его в военную школу. Я ожидал, что он будет из всех сил сопротивляться этому. Напротив, с того момента, когда он надел форму, к которой со временем будут прикреплены золотые нашивки, звездочки и знаки отличия, в нем произошла разительная перемена. Как будто вся эта военная символика внезапно и решительно изменила весь его внутренний мир. Бессознательный «юный Гитлер» пропал под оболочкой американской модели и превратился в обыкновенного школяра-кадета. Отец, абсолютно гражданский человек, был теперь для него не опасен и не значим.

⁶ Очевидно, что с «перевоспитанием» «плохих» народов не все так просто. Можно утверждать, что ни признание грехов, ни обещания вести себя хорошо не превратят нацию в «демократическую», пока предлагаемая ей новая идентичность не будет интегрирована в предшествующие концепции сильного и слабого, мужского и женского, базирующиеся на опыте географическо-исторической матрицы нации и детского опыта индивидуума. Только победитель, демонстрирующий историческую неизбежность наднациональных целей и понимающий, как обосновать их на существующей региональной идентичности, может превратить старую нацию в новых людей.

Однако до этого тот же самый отец и соответствующий отцовский прообраз через подсознательные знаки (Erikson, 1942) (особенно если мы вспомним о милитаристской риторике Первой мировой войны) укоренили в этом ребенке милитаристский прототип, являвшийся частью коллективной идентичности многих европейцев и имевший особое значение для немцев как одна из немногих чисто германских и высокоразвитых идентичностей. Военная идентичность как исторический акцент в общей семейной традиции идентификации продолжает подсознательно существовать и в тех, кто в ходе политического процесса уже не должен принимать ее⁷.

Менее выраженные способы, которыми дети приходят к приятию исторических или реальных прообразов добра и зла, вряд ли могут быть подвергнуты всестороннему изучению. Моментальные проявления эмоций, таких как привязанность, гордость, злость, вина, тревога, сексуальное напряжение (в отличие от их словесных выражений, подразумеваемого значения или философских интерпретаций), передают ребенку представление о том, что действительно важно в его мире, то есть обрисовывают варианты пространственно-временных ориентиров и перспектив жизненного плана его группы.

Похожим образом спонтанно возникающие настроения социоэкономической и культурной паники, охватывающие семью, вызывают личностную регрессию к состоянию инфантильной компенсации и реакционный возврат к более примитивным моральным кодексам. Когда такая паника совпадает по времени и динамике с каким-либо из детских психосексуальных кризисов, вместе они отчасти и определяют характер невроза: всякий невроз есть разделенное ощущение паники, изолированной тревожности и сенсорно-моторного напряжения одновременно.

Мы, например, наблюдаем, что в нашей культуре, основанной на чувстве вины, индивиды и коллективы при осознании опасности, угрожающей их социоэкономическому статусу, подсознательно начинают вести себя так, словно эта угроза вызвана их внутренним ощущением опасности (искушениями). В результате происходит не только возврат к раннему чувству вины и его компенсациям, но и реакционный возврат к исторически более ранним, по форме и содержанию, принципам поведения. Подсознательный моральный кодекс приобретает более ограничивающий, магический, более кастовый, нетерпимый характер. Отметим, что пациенты часто описывают окружавшую их в детстве среду, ссылаясь на небольшое количество отдельных периодов, когда множество перемен, происходивших одновременно, создавало атмосферу паники.

В случае с пятилетним мальчиком, у которого начались конвульсивные припадки после пережитых одновременно событий, связанных с агрессией и смертью, идея насилия получила свое проблематичное значение благодаря следующим тенденциям в семейной истории. Отец мальчика был евреем, выходцем из Восточной Европы, которого в пятилетнем возрасте его тихие и кроткие бабушка и дедушка привезли в нью-йоркский Ист-Сайд, где он мог выжить, лишь заменив свою детскую идентичность идентичностью «парня, который бьет первым». Это правило он внушил нашему пациенту, не преминув поведать, каких усилий это ему стоило. Выжив и добившись определенного экономического успеха, он открыл магазин на главной улице небольшого городка в одном из северных штатов и переехал в респектабельный район. Там ему пришлось отказаться от первоначальных рекомендаций, данных сыну, задиरे и драчу, просьбами и угрозами поставив его перед фактом, что сын владельца магазина должен

⁷ Бруно Беттельгейм (1943) описал свой опыт выживания в одном из первых немецких концентрационных лагерей. Он рассказал о различных действиях и внешних проявлениях (например, в позах и одежде) отказа заключенных от своей идентичности как антифашистов, которые как бы принимали идентичность своих мучителей. Сам он сохранил свою жизнь и рас-судок, сознательно и последовательно поддерживая свою историческую еврейскую идентичность неодолимого духовного и интеллектуального превосходства над физически более сильным внешним миром. Он сделал своих мучителей объектом молчаливого изучения, результаты которого, оказавшись в безопасности, представил свободному миру.

вести себя с соседями обходительно. Такая смена идентичностей произошла на выраженной фаллическо-локомоторной стадии развития мальчика, в тот момент, когда он нуждался в четких ориентирах и новых средствах выражения, и по случайному совпадению в том самом возрасте, когда его отец стал иммигрантом. Семейная паника («будь вежливым, иначе мы все потеряем»), личное чувство паники («как я могу быть вежливым, когда все, чему я научился, это быть сильным, и как мне быть сильным, чтобы чувствовать себя в безопасности?»), эдипов комплекс, заставляющий управлять агрессией по отношению к отцу и переносить ее на другое, физическое напряжение, вызванное ненаправленным гневом, – вместе эти состояния, весьма характерные сами по себе, привели к своего рода короткому замыканию. Эпилептическая реакция ребенка стала следствием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.